

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

ЕВГЕНИЯ ДУХОПЕЛЬНИКОВА

**ДЕВОЧКИ НА ВОЙНЕ:
ПУТЕШЕСТВИЕ ДОЛБОКЛЮЯ**

Харьков
«ФОЛИО»
2020

...Как все начиналось...

Стояло начало августа 2014 года. Армия рвалась к границе по пыльным дорогам Донбасса, карта АТО перекраивалась каждый день названиями освобожденных поселков и городов и никто еще не знал ни про Иловайск, ни про Дебальцево, ни про все-все-все, что будет дальше. А Долбоклюй сидел в пабе возле работы и пил пиво с друзьями.

— Леха, — сказала пиво изнутри Долбоклюя, — Леха, а вот скажи мне, какого хера я с Майдана, как гиперактивный хомячок, собираю тебе деньги и тягаю вещи, а потом ты их увозишь в туман войны, а я остаюсь тут пить пиво? Леха, уже война скоро кончится (мироздание тихо хихикнуло с небес), возьми меня туда, а?

— Бля, — сказал Муж Долбоклюя, — я так и знал, — ударился головой об стол и замолчал.

— Женя, ну вот скажи, нахуя тебе это? — спросил через стол Майкл. — Тебе надо непременно зольдатигов с рук покормить шоколадками, как швейковская баронесса?

— Иди нахуй, — сказала я.

— Не, ну я серьезно!

— Майкл, шас пизды получишь, — дружески предупредил Муж Долбоклюя, — прячься быстро.

— Короче, — резюмировал Леха, — а действительно: хуле б нет? В 6 утра послезавтра ты с вымытой шеей и в гражданских неприметных шмотках — у меня.

— Бля, — сказал Муж Долбокля и ударился головой об стол еще раз. — Я знал, что вам нельзя вместе бухать.

В 6 утра послезавтра меня забросили на заднее сиденье буса и мы, злые и невыспавшиеся, поперли в сторону войны.

Я не знаю, как рассказать, но война тогда — до Иловайска, до Дебальцево, до тяжелой осенней грязи и черного зимнего снега — была совсем другой. Армия — раздетая, измученная, теряющая десятки человек в день — но побеждающая, — рвалась к границе. С разбитых грузовиков бойцы в рваном «дубке» показывали знак «виктори» и улыбались во все зубы, махали руками и орали. Армия рвалась к границе. И мы ехали туда же.

...Блокпост где-то под Севером был необычно хмур и неприветлив. Нас быстро осмотрели, рывкнули «проезжайте» и даже не махнули рукой.

— Что-то у них тут такое странное, — задумчиво сказал Андрей.

Бус плавно зашел в очередной изгиб дороги.

— Бляяя... — свистнул Леха.

Лес еще горел, разорванный полосой разрывов.

— «Град», что ли?

— Да хуй его знает, но хорошо, что мы полчаса назад тут не оказались... То-то они такие злые тут...

...Во дворе школы милиции айдаровцы с шутками и прибаутками меняли пленного. Переговорщик на дорожной машине нервничал и покрывался крупными каплями пота от айдаровских шуточек, Леся вопила: «Я пленного штопать не буду, мне ли не похуй, довезут или нет», а мы разгружали свои бесконечные ящики.

— Со спины, — предупредила Леся, становясь в кадр.

— Ага.

Я еще долго не умела фотографировать людей со стороны лица и с головами.

Мы разгрузили лекарства и поехали домой.

— На Победу надо, — сказал Леха, — договориться за лекарства.

— Какая тебе Победа, дело к вечеру?

— Пароли узнаем.

— Ночь же!

— Ну и ночь.

...На Победе, в огромном полевом госпитале, Леха застрял надолго. Мы сидели на снаряжном ящике и пили кофе. Вита нервничала. Вита нервничала. Вита нервничала. Через полтора часа орали уже все. Наконец Леха появился.

— Какого черта? Восемь вечера, а мы еще до Старобельска не доехали? Нам пять часов до границы Зоны полоскаться!

— Ну давай тут еще станем поорем часа два.

И мы снова поехали.

...Ночной блокпост был неосвещен и раздражен. Чуть не въехав в темноте в бетонный блок, мы остановились. Бойцы не понимали еще идею паролей, все нервничали и дергались, мы шепотом пререкались с ними... Рядом со мной завозился заснувший полчаса назад Леха.

Щелчок предохранителя карабина разорвал тишину, кажется, на километр вокруг. Как и пять ответивших ему предохранителей автоматов.

— ЛЕХА!!! Какого???

— Блин, — сказал Леха, — блин. Мне приснилось, что нас сепары в плен берут...

В три часа ночи мы пили кофе на заправке Окко на границе Харькова.

— Ну как, посмотрела? — спросил Леха.
— Угу. Больше, наверное, не поеду. Зачем?
Мироздание тихо хихикнуло сверху.

PS. Все эти годы одним из главных ткскзть заветов и правил для меня было «только не швейковской баронессой».

— Леха, а у нас тут нахуй блядь в этой машине вообще что-то работает? Печка не работает, стартер не работает, ходовка в хлам... Что мы вообще купили?

— У нас тут двигатель отличный!

Бус фыркнул и окутался паром, как Алла Пугачева в песне «Айсберг».

— О, двигателю тоже пиздец.

Если вы когда-нибудь были волонтером, покупавшим себе микроавтобус за минимальные деньги, вы понимаете, что произошло. Мы стояли по дороге на Купянск в снегу по колено на неработающей машине.

— Окей, — сказал Леха. — Окей. Девочки, без нервов. Щас все порешаем. Ну или сдохнем тут нахуй в снегу. Да не, ну почему мы сдохнем, мы на трассе. Все хорошо, девочки. Все хорошо.

Вообще-то мы с Лесей не нашли общего языка сразу. Да у нас, собственно, и шансов не было — две агрессивные резкие сучки, считающие себя центром Галактики... Ну, вы понимаете... Но сейчас мы, дрожа, сидели на заднем сиденье неработающей машины, прижавшись друг к другу, и верили, что сейчас нас кто-то спасет.

— Лесь, — шепотом сказала я... — у меня тут носки запасные шерстяные... мама всунула... надень, а?

Это был наш день. Через полчаса на дороге остановилась машина, из нее высыпали ржущие бойцы «Львов-1», весело рассказали, що ми ваш бус ще під Харковом бачили і розуміли, що до АТО ви не доїдете, та нема питань, зараз дотягнемо до Куп'янська, ха.

В Купянске мы сдали бус на СТО и пошли в ресторан. Нам с Лесей было легко, мы не умели водить. Леха водить умел.

— Ну окей, — сказала Леся, — пошли накатим.

И мы, конечно, накатили. Пафосный ресторан города Купянска был оборудован доспехами, оленьими рогами и прочими приметами той еще, крутой жизни. Через два часа мы с Лесей, конечно же, были в сопли, и обсуждали мужиков, детей и все, что могут обсуждать две женщины 35+ лет...

— Окей, — сказала Леся. — У нас есть одна проблема. Мы договорились с Сявой, что он привезет мне автомат в Старобельск. Но где мы, а где Старобельск?

Сява упал к нам в кабак в 12 ночи. Кстати, в час ночи мы выяснили, что головка двигателя нашей машинки, тогда еще не называвшейся Счастливым, пробита нахер, и он едет на эвакуаторе в Харьков. И мы пили водку с Сявой, а потом он уезжал, и капот его джипа открылся на ходу, и мы клеили его желтым скотчем, потому что это было правильно, клеить капот именно желтым скотчем... А потом нас забирали из Купянска в Счастье бусом «хелпарми», и мы очень долго показывали разрешение на Лехино оружие, а Леськин автомат мы спрятали в рюкзак, и...

Сяву вернули через два года. Я помню только, что на кладбище было так же холодно и сыро, а военный оркестр дико фальшивил.

...Все нижеследующее является чистой воды художественным вымыслом, поскольку все равно хер вы что докажете теперь)))

...Однажды у меня звякнул мессенджер.

«Жень, а Жень, — было написано там, — тебе случайно не нужна тыща ампул налбуфина, но строго под печать в/ч о принятии?»

«Конечно, мне нужна тыща ампул налбуфина, — быстро напечатала я, — у нас есть куча замечательных печатей».

«Окей», — ответил мессенджер.

Я почесала в затылке, надела носки и пошла в гости. После предварительных реверансов с завариванием кофе я посмотрела собеседнику в честные глаза и спросила:

— Скажи, а воинской части XX случайно не нужно 800 ампул налбуфина под печать о приемке 1000?

— Тааак, — сказал мой собеседник и быстро схватился за телефон.

— Але, — сказал он, — скажи, твоему подразделению случайно не нужны 500 ампул налбуфина под печать о приемке 1000?

— Конечно нужны, — радостно завопила трубка, — правда, ту печать, которая лежала у нас на базе, мы, кажется, проебали, так что я позвоню на вторую базу, у них там есть вторая печать, ну а если нет — то заеду к командиру! Короче, давай, забираем!

Три месяца мы развозили этот гребаный налбуфин по половине фронта в собственных рюкзаках. Что характерно, участь сия не минула и представителей подразделения XX, которые тоже перли его без документов и огородами, поскольку первую печать они так и не